

## СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 801.808.809

### ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XVI – XVII вв.)

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

#### Аннотация

Статья посвящена выявлению и анализу круга лексем, которые в XVI – XVII вв. вошли в русский язык и его терские диалекты из тюркских языков Северо-Восточного Кавказа (кумыкского и ногайского), а также характеристике русских заимствований в кумыкском языке в контексте позднесредневековых взаимоотношений носителей русского языка с представителями народов Северо-Восточного Кавказа.

**Ключевые слова:** кумыкский язык, ногайский язык, русский язык, заимствование, терские диалекты.

---

История позднесредневековых взаимосвязей русского языка с языками народов Северо-Восточного Кавказа, включая Дагестан, еще не становилась предметом специального систематического исследования. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать лексемы, заимствованные литературным русским языком и его терскими диалектами<sup>1</sup> из тюркских языков Северо-Восточного Кавказа (кумыкского и ногайского) в XVI – XVII вв. Кроме того, рассматриваются русские заимствования, проникшие в кумыкский язык в тот же период.

При этом если вайнахские (чеченский и ингушский) языки не контактировали с русским в рассматриваемый период [1, с. 14–18] (единственным документированным свидетельством вхождения в русский язык собственно дагестанской лексики является восходящий к авар. *нуцал* ‘князь’ социальный термин «(уварской, Уварские земли) *Нуцал/Нусал* (князь)» (1617, 1629, 1645 гг.) – глава Аварского феодального владения (КРО, 1, с. 266; РДО, с. 61, 90, 323)), то взаимодействие тюркских языков с русским было достаточно активным.

---

<sup>1</sup> Терскими в пределах Северо-Восточного Кавказа называются диалекты русского языка, носители которых поселились в XVI в. по нижнему течению р. Терек и проживают в настоящее время в пределах Республики Дагестан и Чеченской Республики. Данная группа диалектов изучена на уровне отдельных говоров (см. [2]) и воздействия на них местных (тюркских) языков (см. [3–5]).

Об этом свидетельствуют многочисленные примеры заимствований, которые мы рассмотрим далее.

## 1. Заимствования, известные русскому литературному языку

**1.1. Лексемы, заимствованные из кумыкского языка.** Слово *аул* в картотеке Среднерусского словаря XV – XVII вв.<sup>1</sup> представлено с датировкой 1667–1672 гг. (ЭСРЯ<sup>2</sup>, 1, 1, с. 175), в Словаре русского языка XI – XVII вв. (СРЯ XI–XVII, 1, с. 58) для данной лексемы указывается 1668 г., хотя встречается и более ранняя фиксация, связанная с Терским регионом (РЧО, с. 356). Источником заимствования следует считать скорее фонетически более близкое кум. *ав<sup>о</sup>ул*, чем ног. *ав<sup>о</sup>ыл* (ЭСТЯ 1974, с. 65).

*Башлык* – из кум. *башлыкъ* (ср. ног. *баслыкъ*) ‘башлык, капюшон’. Следует указать на отсутствие генетических связей русского слова с известным с XVI в. словом *шлык* (ЭСРЯ, 1, 2, с. 63). Заимствование из кумыкского источника подтверждается упоминанием формы *башалаки* в «Хождении купца Федота Котова в Персию» (1624 г.) (СРЯ XI–XVII, 1, с. 82): купец возвращался в Астрахань через область проживания кумыков – Дербент, Кайтаг, Тарки и Терек (ДВИ, с. 62).

*Курага* ‘сушеные разрезанные пополам абрикосы без косточек’ впервые упомянута в 1698 г. в списке товаров, привезенных в Астрахань кумыками из Терского города, в форме *курэга* (РДО, с. 219; РЧО, с. 259) со значением ‘абрикос дикорастущий’, непосредственно соответствующим кум. *куьреге* ‘абрикос’. И в дальнейшем это слово связывается с Терском (1786 г.), как отмечается в Академическом словаре 1792 г. (СРЯ XVIII, 11, с. 83).

*Уздень* ‘дворянин’ (кум. *овьден* ‘свободный’, ‘благородный’, ‘дворянин’) не имеет непосредственных аналогов в других тюркских языках (ЭСТЯ 1974, с. 507). Слово впервые упоминается в 1589 г. в отписках терского воеводы, челобитной кабардинских князей (КРО, 1, с. 57, 58, 63) и статейном списке русских послдов в Кахетию князя С.Г. Звенигородского и дьяка Т. Антонова в период их пребывания в горной части Центрального Кавказа (РЧО, с. 32).

**1.2. Лексемы, заимствованные из ногайского языка.** Слово *арба* ‘телега (двухколесная)’ на основе показаний актового источника 1655 г. относится к заимствованиям не позже XVII в. из татарского (ЭСРЯ, 1, 1, с. 135). Оно известно нижнетерским, а также каспийским [3, с. 51] говорам, причем в более раннем актовом документе 1653 г. говорится о татарах (точнее, ногайцах), которые в количестве «8 *арбь*<sup>3</sup>... почали де *кочевать* под Плотавою (Полтавой. – Г.-Р.Г.)» (СРЯ XI–XVII, 1, с. 45). Все это указывает на ногайское происхождение данного слова (хотя в татарском и кумыкском оно известно в том же звучании (ЭСТЯ 1974, с. 164)), не случайно еще раньше, в 1638 г., в том же ареале, в Ливнах, в связи с ногайцами упоминается производная форма *арбачей* (*арбач* – ‘возчик, сопровождающий арбу’ (СРЯ XI–XVII, 1, с. 45)). Таким образом,

<sup>1</sup> Включена в дальнейшем в картотеку СРЯ XI–XVII.

<sup>2</sup> В ссылке на данный источник здесь и далее первая цифра обозначает номер тома, вторая – выпуска.

<sup>3</sup> Здесь и в других приводимых из источников материалах курсивное выделение наше.

в собственно русской традиции анализируемое слово имеет ногайское происхождение, но вместе с тем на вероятное его бытование в терских говорах в близкое к рассматриваемому время указывает упоминание данной лексемы в документе 1722 г., в котором говорится об арбах на Тереке (СРЯ XVIII, 1, с. 86). Другое свидетельство ногайского происхождения слова *арба* – сравнительно высокая степень его освоенности, если иметь в виду наряду с н.-терск. касп. *арба* ‘двухколесная телега’, а также н.-терск. *арбач* ‘упряжный конь, ходящий в арбе’, *арбичка* ‘маленькая тележка’ [3, с. 51], что, однако, не исключает независимого отражения в данных формах и кум. *арба*.

Лексема *отара* ‘большое стадо овец’, заимствованная «из степного крым.-тат. диалекта или из ногайских диалектов Северного Кавказа» [6, с. 17] (ср. ног. *отар* ‘пастбище, отдаленное от аула’, ‘отара’, ‘стадо баранов, перегоняемое на разные пастбища’ (ЭСТЯ 1974, с. 488–489)), впервые отмечена в отписке терского воеводы 1615 г. («животинные *отары*») (РДО, с. 49), затем в росписи населению терских слобод (1640 г.) в форме «в *атарех*»<sup>1</sup> и в значении ‘стадо овец, мелкого рогатого скота’ (РЧО, с. 134–135, 333), аналогичном литературному. Слово известно не только другим нижнетерским, каспийским [3, с. 51] и ставропольским говорам, но и говору станицы Александрийской (Копай), в котором оно относится к заимствованиям XVI – XVIII вв. [4, с. 100, 101; 5, с. 9]. Сама станица еще раньше, в 1614 г., упоминается рядом с Терской крепостью под семантически близким русскому Копай тюркским названием Казан, затем, с 1659 г., там же становится известным Копанский городок (РДО, с. 33, 198, 199, 326). Сюда в 1669 г. переносят построенную в 1588 г. в дельте р. Терек Терскую крепость-город (КРО, 1, с. 253, 293, 328, 421, 437), где находился воевода – глава местной русской администрации (ср. в последующем изложении кум. *вайвад*, *вайвада* в том же значении).

### 1.3. Лексемы, заимствованные из кумыкского или ногайского языков.

Слово *кунак* в варианте *конак* (1648 г.) / *канак* (1644 г.), наиболее близком к кумыкско-ногайскому этимону *къонакъ* ‘гость’, впервые употреблено в русских источниках, связанных с Терским городом (КРО, 1, с. 253, 293), а затем, в 1651 г., – с Астраханью (СРЯ XI–XVII, 7, с. 269). Указанный вариант отмечен в говоре станицы Александрийской (Копай) в значении ‘знакомый; связанный узами дружбы (в основном о друзьях из числа ногайцев, кумыков и др.)’ и относится к заимствованиям XVI – XVIII вв. из тюркских языков Северного Кавказа. Слово представлено в среднетерских (в значении ‘туземец’), собственно гребенских (‘друг, приятель’) [5, с. 12, 13] и других нижнетерских (‘друг, гость, знакомый; чеченец, ингуш’) [3, с. 56] говорах. В более поздних русских говорах Оренбуржья и Азербайджана получило отражение первоначальное значение ‘гость’ (СРНГ, 16, с. 90). Переход на почве русского языка о > у, отмеченный в лит. *кунак*, отразился и в «Проскинтарии» Арсения Суханова, побывавшего в кумыкском Тарковском шамхальстве в 1652 г., при передаче им звуча-

<sup>1</sup> Чередование о-//а- в вышеприведенных заимствованных формах свидетельствует об отражении в них аканья и наблюдается, наряду с *конак/канак* (см. об этом далее по тексту), в местных русскоязычных источниках при передаче кумыкских гидронимов, ср., например: Оксай (1614, 1645, 1651 гг.) // Аксай (1651, 1653 гг.) (КРО, 1, с. 267, 306, 316; РДО, с. 37, 181).

ния кумыкского ойконима *Бойнакъ* – «в *Буйнаках*» (наряду с отражающей аканье формой «в *Байнаках*») (ДВИ, с. 73, 75), упоминаемого в местных русских документах с 1634 г. (РДО, с. 126) и известного в дальнейшем в варианте *Буйняки* (КРО, 1, с. 152).

## 2. Заимствования, неизвестные русскому литературному языку

### 2.1. Лексемы, заимствованные из кумыкского языка

**2.1.1. Лексемы, неизвестные терским говорам.** Наиболее ранними из них, регулярно употреблявшимися в местной русской письменной традиции последующего времени, являются соционимы *шавхал* ‘верховный правитель’ и *кърымшавхал* ‘правитель-наместник пограничной области; наследник престола’. Ср., например, в 1570 г. «*крым-шевкилы, крымиевкальцы* и кумуки (кумыки. – Г.-Р.Г.)» (КРО, 1, с. 23, 24).

К той же группе следует отнести лексемы, впервые отмеченные в отписках терского воеводы: «*уцмей*<sup>1</sup> князь кайдацкой» (1618 г.) (РДО, с. 63) и *аталык* ‘дядька, воспитатель’ (1589 г.) (КРО, 1, с. 23, 24). Последнее из них относится в говоре станицы Александрийской к заимствованиям XIX – XX вв. [5, с. 9]; в других русских источниках – донских (ногайских) делах (*атолык* – 1640 г.) и хивинско-бухарских грамотах (*аталык* – 1673, 1695 гг.) – оно отмечено в значении ‘сановник, визирь’ (ДВИ, с. 57; СРЯ XI–XVII, 4, с. 243). Ср. кум. ист. *уцуму* ‘правитель Кайтага – одной из кумыкских исторических областей’ и совр. кум. *аталыкъ* ‘1) отцовство; 2) отеческое отношение; шефство’ при том, что в карачаево-балкарском языке данное слово отмечено и в значении ‘аталычество, опека’.

К кум. *дуван*, уст. ‘суд, судебное разбирательство’, бытование которого в данном регионе подтверждается его употреблением у Арсения Суханова (1653 г.), когда последнему в Шемахе было велено прийти «*на дуван* к хану» (ДВИ, с. 71), представляется возможным возвести соответствующую лексему из местного терского документа 1634 г. В нем говорится о том, что «та... жонка... досталась на паю *на дуване*» (РДО, с. 117). При более поздних фиксациях данного слова в Донских делах (1654 г.) его значение ‘дележ (добычи, жалованья и т. п.) и сходка для дележа’ сохраняется. В них, а также в бумагах Петра I (1696 г.) отмечено *дуванити* ‘делить (добычу, жалованье и т. п.)’ (1648 г.), *дуванитися* ‘делиться с кем-л.’ (1655 г.) (СРЯ XI–XVII, 4, с. 331). Слово, этимологом которого является перс. *dīvān* ‘высший государственный совет, суд’, считающееся источником рус. лит. *диван*, отмечаемого с 1712 г. (ЭСРЯ, 1, 5, с. 113), в рассматриваемом значении было известно у казаков и вольницы, возводится к тур., крым.-тат., чаг. *dīvan* ‘совет, собрание’, казах. *duan* ‘окружной суд; резиденция русской администрации в стар. казахской степи’ (Фасмер, 1, с. 549). См. также более раннее, связанное с крымско-татарскими реалиями (1515 г.) ср.-рус. *дуван* ‘министр, секретарь, чиновник государственной канцелярии’ (СРЯ XI–XVII, 4, с. 9).

В лексеме *сабан* из материалов русского посольства в Мегрелию (Западный Кавказ) Никифора Толочанова 1651 г. (ср.: «Ночевали *на сабанах* на степе,

<sup>1</sup> ‘Титул правителя одной из кумыкских исторических областей в Дагестане’.

на речке на Черголе» (СРЯ XI–XVII, 23, с. 9)) могло отразиться значение ног. *сабан* ‘пахота’ (ЭСТЯ 2003, с. 127–128), не поддерживаемое аналогичными известными и в нижнетерских говорах словесными формами с другой семантикой – ‘плуг’ [3, с. 56]. Заимствование данной лексемы в говор станицы Александрийской относится к XVI–XVIII вв., но слово оказывается отмеченным (в ином значении ‘поле, единица измерения’) раньше вышеупомянутой первой фиксации в документе 1604 г. из рассматриваемого региона («...с сабану») [4, с. 95–96; 5, с. 9]. Затем оно встречается в документах, имеющих отношение к Терскому городу: «сабанная пора жнитва» (1616 г.) (РДО, с. 57) с неясной семантикой адъектива и *сабан* ‘распаханный участок земли’ (1621 г.) (РЧО, с. 97, 334). Все указанные формы могут быть возведены к кум. и ног. *сабан* ‘1) плуг; 2) пахота’, но с учетом преимущественно кочевого образа жизни ногайцев более вероятным представляется кумыкское происхождение рассматриваемой лексемы.

В контексте «ходили... по тарлаве» выделенное слово, также упоминаемое в документах, связанных с Терским городом (1629 г.), и отнесенное при морфологическом освоении в терских говорах, как и *отара*, к женскому роду, могло быть заимствовано из кум. *тарлав* ‘пашня’ (РЧО, с. 113, 291), хотя оно известно и в карачаево-балкарском в значении ‘поле, угодье, полоса’, и в ногайском – ‘поле, пастбище’ при фонетически отличном азерб., тур. *tarla* ‘поле’.

**2.1.2. Лексемы, известные терским говорам.** Н.-терск. слово *армуд* ‘айва’ А.А. Селимов относит к ранним заимствованиям XVI–XVIII вв. из кум. и ног. (но только применительно к говору с. Сангиши, ареально смежного со станицей Александрийской) *гьармут* ‘груша’ [5, с. 11–12], однако это менее достоверно по фонетическим причинам в отношении ногайского языкового источника (ввиду лит. *армыт*). Эта единица отмечена в дореволюционных (начала XX в.) публикациях по ниже- и среднетерским (наурским) говорам, в которых она встречалась и в последующее время, будучи неизвестной другим русским говорам (СРНГ, 1, с. 276–277). Слово *армуд* могло быть усвоено в XVII в., если иметь в виду его употребление в памятниках, связанных с Закавказьем (1618, 1643 гг.), но в несколько ином, неясном – ‘айва(?)’ – значении (СРЯ XI–XVII, 1, с. 47), для XVIII века *армуд* ‘айва’ определяется как областное слово на Тереке (СРЯ XVIII, 1, с. 94).

Н.-терск. касп. слово *земгил* ‘корзина прямоугольной формы, плетенная из чакана’ [3, с. 52], заимствованное в XVI–XVIII вв. из кум. *земгил* ‘корзина, кошель; лукошко’, неизвестно другим тюркским языкам народов Северного Кавказа – ногайскому, балкарскому и карачаевскому [5, с. 9, 10]. На возможность заимствования до XVIII в. и достаточно давнюю известность этого слова и кумыкскому языку указывает вариант *зинбель* ‘род округлого куля, мягкой корзины (из камыша)’, отмеченный еще в материалах посольства Васильчикова в Персию 1594 г. (СРЯ XI–XVII, 5, с. 391). Указанный вариант (но не обл. *зинбир* ‘мягкая плетеная корзина, куль’, известное с 1701–1703 гг. (СРЯ XVIII, 8, с. 180)) отразился, вероятно, в н.-терск. касп. *зимбель* в том же значении (наряду с *земгил* – см. выше). Этимон – перс. *zenbil*, *zinbil* ‘корзина из пальмовых листьев’, откуда тур. *zämbil* (Фасмер, 2, с. 96).

*Кабак*, впервые упомянутое в 1563 г. в связи с походом русских войск в Кабарду (КРО, 1, с. 11, 393, комм.) и известное в нижнетерских русских говорах в значении 'село' [3, с. 56], затем регулярно отражается в источниках, связанных с Северо-Восточным Кавказом. Речь идет о статейных списках русских посольств Родиона Биркина (1587 г.) (ДВИ, с. 52), а также С.Г. Звенигородского и Т. Антонова (1589 г.) (РДО, с. 49; РЧО, с. 31), отписках терского воеводы в Посольский приказ 1614 (РДО, с. 33) и 1616 гг. (КРО, 1, с. 93). Более поздние фиксации (1618, 1651 гг.) этого слова оказываются связанными и с Закавказьем (СРЯ XI–XVII, 7, с. 7).

Несмотря на то что данное слово может быть возведено в связи с ареалом первой фиксации к к.-балк. *к̄абакъ* 'селение; аул' (> ног. диал. *к̄абакъ* 'аул'), оно имеет значение 'город' в крымском диалекте караимского языка, 'ворота' – в Codex Cumanicus и кумыкском языке (ЭСТЯ 1997, с. 160), в последнем оно могло обладать в прошлом значением, аналогичным рассматриваемому и получившим отражение в названных северовостокавказских русских источниках. Об этом свидетельствует, в частности, наличие данной лексемы в нижнетерских русских говорах, а также в кумыкской героико-исторической песне-йыре «Об Ибаке и Зоруше», один из героев которой был «в Кабарде *кабак*-узденем» и погиб здесь от стрелы (КЙ, 2, с. 115, 117), что могло иметь место в достаточно раннее время. Ср. упоминания о столкновениях с «шевкальским государем» (кумыками. – Г.-Р. Г.) в Кабарде, которые относятся к 1558 г. (КРО, 1, с. 7), а также о кабардинском «*кабаке* Идара» (Идар *кабақны*) в тюркоязычном письме 1654 г. кумыкского эндиреевского владельца Казаналпа царю Алексею Михайловичу (Оразаев 2007, с. 93, 104, комм. 269).

Лексема *култук* 'неглубокий залив' (с переходом *o > y* – об этом см. выше) была заимствована из кум. *к̄олтукъ* 'заводь, залив; лука' (не из ног. *колтык* 'залив') до XVIII в., так как впервые упоминается в 1618 г. в материалах посольства М.П. Барятинского в связи с кумыкскими реалиями («от Тарков до Оксайской») (СРЯ XI–XVII, 8, с. 115–116), хотя и относится к местным тюркским заимствованиям XVI – XVIII вв. в говоре станицы Александрийской [5, с. 9], будучи известной и в позднейших прикаспийских говорах [3, с. 50]. В последних, как и в русских говорах других приморских ареалов (СРНГ, 16, с. 79), оно могло быть заимствовано из иных ареально смежных тюркских языков.

Н.-терск. касп. *узюм* 'сушеный виноград' [3, с. 54] следует возвести к кум. *jüzüm* 'виноград, изюм' (!), но не к ног. *jüzim* 'виноград' (ЭСТЯ 1974, с. 625), а рус. лит. *изюм* возводится к крым.-тат. *jüzüm* (ЭСТЯ 1974, с. 625), будучи впервые зафиксированным в «Домострое» XVI в. (ЭСРЯ, 2, 7, с. 45–46).

Отмеченное А.А. Селимовым [5, с. 7] развитие семантики 'село, аул' у тюркизма *юрт* 'собственность станицы', появившегося в говоре станицы Александрийской до XVI в. под влиянием местных тюркских языков, могло иметь место в рассматриваемый период, как о том свидетельствует местный документ 1607 г. («...На усть Терки... съехались все козаки из *юртов*...») (РЧО, с. 53)), но именно под влиянием кумыкского языка, так как ногайскому языку данное значение неизвестно. Оно в дальнейшем (1722 г.) отражается в переводе на русский язык письма одного из князей, правителя кумыкского Эндиреевского владения, Петру I: «...в... *юрты* возвратился...; ...из *юрт* выбил...» (РДО, с. 256).

Вызывает сомнение в ареальном отношении слово *кош*, также относящееся в говоре станицы Александрийской к усвоениям до XVI в. [5, с. 7] и известное в нижнетерских [3, с. 52], донских и астраханских говорах в значении 'шалаш (для жилья, крытый хворостом и ветками)', ибо оно оказывается отраженным только в астраханских документах с 1653 г. (СРЯ XI–XVII, 7, с. 391) и поддерживается из ареально смежных тюркских языков лишь кум. *кьош* 'шалаш' (ЭСТЯ 2000, с. 91–92). Ср. значения данного слова в других говорах: 'род хутора, куда скотовод переселяется весной со своим скотом', 'летняя стоянка пастухов' – в терских и кубанских, а также в терских – 'стоянка рыбаков' (СРНГ, 15, с. 136–137).

Следует отметить то же самое не только в ареальном, но и в хронологическом отношении по поводу еще одной лексической единицы, считающейся более поздним (XVI – XVIII вв.) заимствованием в говоре станицы Александрийской. Речь идет о варианте *шурпа* 'мясной бульон', который якобы не связан с местными тюркскими языками, так как в противном случае ожидалась бы форма *шурпа* [5, с. 8]. Если учесть, что в ногайском языке представлена лексема *сорпа* (см. также ног. диал. *шорба* 'суп с пшеном'), указанная форма может быть возведена к кум. *шорпа* 'суп', не имеющему прямых соответствий в других тюркских языках (Фасмер, 4, с. 504).

К числу заимствований, отразившихся в топонимике, следует отнести *Кош-лаковский/Кашлаковский* – название казачьего городка по правобережью р. Терек в Гребнях (1627–1628 гг.) (РЧО, с. 111–112, 288 комм., 341), упоминаемого в документах в связи с нападением на него «шибуцких людей» из междуречья Чанты- и Шаро-Аргуна (нынешняя Восточная Нагорная Чечня. – Г.-Р. Г.). Данный топоним обнаруживает большую близость к кум. *кьышлакь* 'зимовье', но не к ног. *кыслак*, что, в принципе, указывает на возможность существования в названной местности яйлага-зимовья. Однако его локализация в данных пределах как одного из существовавших еще в XVI в. мест первоначального поселения казаков вызывает у исследователей разногласия, в том числе и ввиду ошибочного чтения *Кашлановское* (см. РЧО, с. 288–289 комм.).

Известны также семантические усвоения (калькированные гидронимы), представленные (за исключением *Овечьи Воды*, *Овячая Вода* – река К(ь)ойсу-Сулак (60-е годы XVI в., 1567 г.) (КРО, 1, с. 15, 393, прим. 35), протекающая по Кумыкской равнине) в говорах нынешней восточной равнинной Чечни – одной из областей проживания кумыков в рассматриваемый период:

*Белая* (1614 г.), где находились поселения гребенских казаков, видимо, Хулхулау, правый приток Сунжи (РЧО, с. 288, 341; РДО, с. 33), точнее, р. *Белка* – правый приток р. Гумс с расположенным на нем с. Белоречье (чеч. Илисхан-юрт) < тюрк. (кум.) *Акьсу* 'белая вода', ср.: «за Суншею под горами по Белой реке» (1651 г.) (КРО, 2, с. 306);

*Горячий Колодезь* 'горячие источники по р. Сунже' (1585, 1615, 1651, 1627 гг.) (КРО, 1, с. 47, 89, 302, 432) < кум. *Исси сув* 'горячая, теплая вода, река';

*Теплая* (1614 г.) (РДО, с. 33), предположительно отождествляемая с *Исти-су* (РЧО, с. 346) (совр. чеч. *Мелчу хи*);

*Черная* (РЧО, с. 346), по всей видимости, *К(ь)арасу* 'черная вода' – правый приток р. Мичик, впадающей в р. Гумс, или Гудермес.

**2.2. Лексемы, заимствованные из ногайского языка в терские и иные (южно)русские говоры.** Областное слово *эрик* ‘небольшой речной проток’, считающееся заимствованием конца XVIII в. из тат. *jaruq* того же корня, что *арык* и *яруга* (ЭСРЯ, 1, 5, с. 262), представлено в основном в южнорусских говорах, включая донские, кубанские, волжские и астраханские (СРНГ, 9, с. 26) наряду с терскими. В последних (в говоре станицы Александрийской) *эрик* ‘рукав реки, который опять впадает в реку’ считается ранним заимствованием XVI – XVIII вв. из языков народов Северного Кавказа – местных тюркских, черкесского и др. [5, с. 9]. Это слово встречается в Воронежских актах 1640 г. в форме *ерек* ‘ерик’ (СРЯ XI–XVII, 5, с. 58), в одном из камер-фурьерских журналов, издававшемся в Санкт-Петербурге в 1753–1764 гг.: *эрик* ‘небольшой ручей, протока (в низовьях Волги, возле Каспийского моря)’ (1695 г.), а затем отражается в Академическом словаре 1789 г.: *Соленый Эрик* (СРЯ XVIII, 7, с. 80). По фонетическим соображениям и в силу достаточно ранней известности в русских говорах, ареально смежных с областью исторического распространения ногайского языка, предпочтительнее полагать, что это слово заимствовано до XVIII в. из ног. *ярыкъ* ‘трещина, щель, расщелина, зазор’. Данная лексема неизвестна другим тюркским языкам Северного Кавказа, хотя и широко распространена в иных западнотюркских языках (ЭСТЯ 1989, с. 136–137).

Сложнее определить временные рамки появления в говоре станицы Александрийской слова *казан*, которое традиционно считают заимствованным до XVI в. Развившаяся у него впоследствии семантика ‘семья, двор, хозяйство’ [5, с. 7], присущая лишь соответствующей лексеме ногайского языка (ЭСТЯ 1997, с. 186–187), отразилась в русских источниках в 1732 г. (КРО, 2, с. 58) и не исключает возможности более раннего проникновения слова в говор станицы. В первичном значении ‘(большой) котел’ указанная лексема встречается в неместных русских источниках с 1690 г. (СРЯ XI–XVII, 8, с. 16) и имеет широкое распространение в русских говорах, включая терские, в которых, однако, рассматриваемое значение не отмечено (СРНГ, 12, с. 308).

### **2.3. Лексемы, заимствованные из кумыкского и/или ногайского языков**

**2.3.1. Лексемы, известные литературному языку, терским и иным (южно)русским говорам.** Единичная, неизвестная традиции описываемого времени (СРЯ XI–XVII, 5, с. 64) форма «*есырка* жонка» представлена в документе, направленном из Терского города в Посольский приказ (1634 г.) (РЧО, с. 117). В собирательном значении и нынешней литературной форме данная лексема несколько раньше используется в отправленной из Астрахани царю Михаилу Федоровичу челобитной кумыкского посла («купить татарского *ясырю*» – 1633 г.) (РДО, с. 103), затем *ясырство* в отписке терского воеводы 1635 г. (КРО, 1, с. 161) и *ясырь* ‘пленник, невольник’, отмеченное в повести об Азовском взятии (Фасмер, 4, с. 567), посвященной событиям 1637–1642 гг. Рус. лит. *ясырь* поддерживается донск. диал. *ясы́р*, *ясы́рь* и укр. *яси́р*, возводимыми к тур.-араб. *esir* (Фасмер, 4, с. 567). К этому же этимону, точнее, к кум. или ног. *есир* (прежде всего в отношении анлаута) следует возвести и вышеупомянутое *есырка* (1634 г.), а также н.-терск. *ясыр* ‘добыча’ [3, с. 56]. Последний вариант мог развиваться в нижнетерских говорах из *есир* с дальнейшим выравниванием

по непереднему ряду в результате сильного яканья, характерного не только для них [2, с. 8], но и для говоров русских областей, исторически смежных с ногайскими территориями Крымского ханства.

### 2.3.2. Лексемы, известные терским и иным (южно)русским говорам.

*Кунган* ‘восточный, обычно медный сосуд, часто с крышкой’ упоминается впервые в 1618 г. в терских расходных книгах (РЧО, с. 85, 86, 87, 332). Позднее в Донских делах (1652 г.) оказывается отмеченным производное от него слово *кунганец*, а исходная лексема *кумган* (< тюрк. *qumgan*, отразившегося в широком круге тюркских языков), представленная в нижнетерских русских говорах [3, с. 53], появилась в других источниках еще в 1567 г. (Фасмер, 2, с. 415; СРЯ XI–XVII, 8, с. 117). Известен также н.-терск. [3, с. 53] и ср.-терск. вариант *кубган* (Фасмер, 2, с. 415), совпадающий с формой, представленной в воронежском источнике XVII в. (СРЯ XI–XVII, 8, с. 117). О возможности бытования этого слова в нижнетерских говорах свидетельствует известная им более поздняя форма *кулган* [3, с. 53] < *кунган*, полученная в результате диссимилиации (Фасмер, 2, с. 415). Источником же вариантов *кубган* и *кунган*, образовавшихся, вероятно, на русской языковой почве, могли послужить в силу ареальной близости не только ног. *къумгъан*, но и кум. *къумман*, если допустить достаточно раннее развитие последнего из *кумган* в результате ассимиляции (-мгъ- > -мм-).

Сложнее определить происхождение слова *ишек* ‘ишак’ (как в ареальном, так и в хронологическом отношении) в говоре станицы Александрийской. Оно считается заимствованием XVI–XVIII вв. из местных тюркских языков [5, с. 9] – кум., ног. *эшек* > *ишек* – в силу присущего данному говору иканья. Появление его может быть следствием мягкости *ш*’, также характерной для гребенских говоров, в которых звуки *ж*’ и *ш*’ до сих пор сохраняют свою мягкость [2, с. 10], и поддерживается, вопреки мнению Н.К. Дмитриева [6, с. 24], достаточно ранним аналогичным развитием в другом регионе: речь идет о впервые отмеченном в 1567 г. *ишечькъ* (Китай), близком варианту *ишек*, тогда как в «Хожегии» Ф. Котова (1624 г.) встречается вариант *ишак* (ЭСРЯ, 2, 8, с. 140).

Сюда же следует отнести и топоним *Царев брод* (1651 г.) на р. Терек между Сунженским острогом (устье р. Сунжи при впадении в Терек) и Терским городом (РДО, с. 181) (в дельте р. Терек) или урочище (КРО, 1, с. 304, 437), видимо, у устья р. Сары су (‘Желтая вода’) (ср. Царицын на Волге) – левого притока Нижнего Терека с «Черкасской стороны» – при том, что в рассматриваемое время под ее «Кумыцкой стороной» (РДО, с. 181) понималась «местность за р. Терек ниже впадения в нее р. Сунжи» (КРО, 1, с. 434). Вероятный этимон лексемы *Царев* – *сари* ‘желтый’ – носит практически единообразный характер в большинстве тюркских языков, включая кумыкский и ногайский (ЭСТЯ 2003, с. 206–207).

Обратное воздействие русского языка на тюркские языки Северо-Восточного Кавказа обнаруживается в оригиналах тюркоязычных писем XVII в. кумыкских эндиреевских князей (1634, 1648, 1653 гг.) и шамхала (1642 г.) на имя русских царей (Оразаев 2007, с. 52–53). В них представлена в основном социально-политическая терминология, оформленная в соответствии с возможностями арабской графики: *вайвад*, *вайвада* ‘воевода’, *киназ* ‘князь’, *мужжук* ‘мужик’, *киристан* ‘христианин’, *орус* ‘русский’, *городок* ‘городок’, *истерледж*

‘стрелец’ и др. То же следует заметить и о передаче русской ономастики в этих документах: *Аликсай Михайлавидж* (*Михайлāвич* (Оразаев 2007, с. 268)) – Алексей Михайлович (русский царь), *Михайла Федравидж* – Михаил Федорович (русский царь), а также *Михаил Петрович* – (астраханский) воевода, *Маскав* – Москва. Всё это «свидетельствует о том, что заимствование в XVII в. было явлением не узколокальным или эпизодичным, а довольно распространенным» [7, с. 83].

Те же русизмы отразились и в других документах, недавно опубликованных: *кинāз Йуван Педравичге* – князю Ивану Петровичу (астраханскому воеводе), *вайвада и истерледж* – в письме одного из эндириевских князей 1654 г., *орус* – в грамоте 1657 г. из Шибутского джамаата (территория нынешней Чечни) (Оразаев 2007, с. 99, 100, 268, комм. 269, 270). Указанный факт является еще одним подтверждением того, что соответствующая русская лексика уже стала принадлежностью письменной тюркской (кумыкской) речи XVII века на Северо-Восточном Кавказе, хотя в количественном отношении подобные русизмы уступают рассмотренным заимствованиям русского языка из местных тюркских языков.

Большая часть русской лексики к настоящему времени утрачена: только *орус* ‘русский’ и *мужукъ* ‘мужик’ получили отражение в русско-кумыкском и готовящемся к печати кумыкско-русском словарях. В отличие от воспроизведения в первом словаре слова *христианин* как *хачперес*, во втором используется аналогичная вышеупомянутой (*киристан*) лексема *крестиян* (< рус. *крестьян* (XVI в.), *крестьянин* (XVII в.) (СРЯ XI–XVII, 8, с. 49)), отражающая характерное для нижнетерских, включая гребенские, говоров икающее произношение [2, с. 8]. Она восходит к формам устной кумыкской речи рассматриваемого времени, если иметь в виду упоминание христианского богатыря («*крестиян* батыр») *Дудара* (ср. рус. разг. *Дудор*) в шубе с медным подолом («ез этекли... тон»), то есть, видимо, в латах, в одноименном кумыкском йыре – героической песне (КЙ, 2, с. 88). Йыр отражает, по всей видимости, эпоху военных столкновений Кумыкского и Русского государств в конце XVI – начале XVII вв.

Кроме того, в одном из дореволюционных русских переводов йыров, связанных с указанной эпохой, наряду с упоминанием «белокурых русских» (сари *орус*) говорится и о предводителе (русского) войска – боярине, которого Султан-Мут «поймал, как курицу» (КЙ, 2, с. 411, прим.). Соционим *боярин* также употребляется в одном из средневековых кумыкских къзакъ-йыров, посвященных набегам, в аналогичной акающей, близкой к южнорусскому произношению форме, но с закономерным для устной кумыкской речи анлаутным -м («...Женой-добычей стала для тебя *бояр* (маярланы) дочь...» (КЙ, 1, с. 242)), в то время как в других кумыкских фольклорных произведениях используется форма *баяр* (КЙ, 2, с. 625, комм.)).

К устным формам заимствований из русского рассматриваемой эпохи представляется возможным отнести и название одной из разновидностей нарядного женского платья в кумыкском языке (*полуша*), которое шили из дорогого шелка и бархата. Данное название может быть возведено к рус. (XVI–XVII вв.) *полушелковица* ‘полушелковая ткань; шелк, смешанный с бумагой или шерстью’ (прил. *полушелковый*) (СРЯ XI–XVII, 16, с. 277, 278); ткань эта могла приобре-

таться кумыками в XVII в. у русских купцов в Терской крепости или Терском городе.

Известность большинства вышеупомянутых русизмов устной кумыкской традиции (*орус, мужжукъ, христиан, маяр, полуша*) предполагает бытование в регионе и других лексических элементов, не получивших отражения в памятниках письменности в силу их функциональной ограниченности. Все это свидетельствует об определенной распространенности русского языка среди кумыкского населения, проживающего по соседству с Терской крепостью и городом.

В связи с этим обращают на себя внимание и данные, содержащиеся в книге «Тарихи Кызларкала» («История Кизляра-города») кумыкского писателя А.Г. Ибрагимова, созданной в 1908–1916 гг. Согласно этим данным, в вилайате Татархана, существовавшем на территории междуречья Кумы и Терека во второй половине XVII в. (до 1705 г.) и отождествляемом с так называемым Терским вассальным княжеством, возникшим в 1615 г., во главе с кабардинским князем Сунчалеем Янклычевичем, «кроме арабско-персидских, были и русские школы». Последний факт является весьма примечательным: ведь это была самая первая известная русская школа на Кавказе (см. (Оразаев 2003, с. 121, 171, 184, прим. 7, 191, прим. 22)).

Таким образом, лексическое взаимодействие русского и местных тюркских языков рассматриваемой поры было сравнительно активным. При этом русский язык, в том числе на уровне отражения соответствующих усвоений в местных (терских) говорах, испытал гораздо большее влияние кумыкского и в меньшей степени ногайского языка. Показательно и то, что некоторые из имевших место заимствований (*аул, башлык, курага, уздень* – из кум., *арба, отара* – из ног., *кунак* – из кум. или ног.) закрепились впоследствии в русском литературном языке при поддержке других тюркских языков, например языка поволжских татар. Воздействие кумыкского языка было более разнообразным в семантическом отношении, в то время как лексические элементы собственно ногайского происхождения связаны в основном со сферой животноводства и транспорта (*арба, отара*), ландшафта (*ерик*) и быта (*казан*).

В свою очередь, обратное влияние русского языка на кумыкский отразилось не только в памятниках письменности, в которых оказалась представленной главным образом социально-политическая терминология, но и в устной традиции, в частности в фольклоре, что свидетельствует также об определенной распространенности русского языка среди кумыкского населения, проживавшего по соседству с русским. Не исключено, что этому могло способствовать и функционирование русских школ на территории междуречья Кумы и Терека, имевшее место во второй половине XVII в.

### Summary

*G.-R. A.-K. Gusejnov. Lexical Interaction of the Russian Language with the Languages of the peoples of North-East Caucasus in Late Medieval Period (16th – 17th Centuries).*

The article is devoted to revealing and analyzing the words borrowed in 16th – 17th centuries from Turkish languages of North-East Caucasus (Qumikian and Nogai) into Russian language and its Terec river dialects, as well as the ones borrowed into the Qumikian lan-

guage from Russian in the context of Russian – Turkish and other people’s of North-East Caucasus interrelations in late Middle Ages.

**Key words:** Qumikian language, Nogai language, Russian language, borrowed words, Terec river dialects.

### Сокращения

авар. – аварский	р. – река
азерб. – азербайджанский	рус. – русский
диал. – диалектный	разг. – разговорный
донск. – донской	с. – село
ист. – исторический	совр. – современный
к.-балк. – карачаево-балкарский	ср.-рус. – среднерусский
казах. – казахский	стар. – старинный
ног. – ногойский	тат. – татарский
касп. – каспийский	тур. – турецкий
крым.-тат. – крымско-татарский	тур.-араб. – турецко-арабский
кум. – кумыкский	тюрк. – тюркский
лит. – литературный	укр. – украинский
н.-терск. – нижнетерский	уст. – устаревший
обл. – областное	чаг. – чагатайский
перс. – персидский	чеч. – чеченский
прил. – прилагательное	

### Источники

- ДВИ – Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. – Махачкала, 1992. – 303 с.
- КРО – Кабардинско-русские отношения в XVI – XVIII вв: документы и материалы. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 1–2.
- КЙ – Къумукъланы йырлары (Героические песни кумыков). – Магъачкъала, 1991. – Т. 1–2.
- Оразаев 2003 – *Оразаев Г.М.-Р.* Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках. – Махачкала: Эпоха, 2003. – Кн. 1. – 331 с.
- Оразаев 2007 – *Оразаев Г.М.-Р.* Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв. (Исследование, тексты и комментарии). – Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 2007. – 322 с.
- РДО – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. – Махачкала: Даг. книж. изд., 1958. – 336 с.
- РЧО – Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII вв. Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева. – М.: Вост. лит., 1997. – 416 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–39. – Л./СПб.: Наука, 1965–2005.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1975–2006. – Вып. 1–27.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. – Л./СПб.: Наука, 1984–2005. – Вып. 1–15.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т. 1–4.
- ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1963–1982. – Т. 1–2. – Вып. 1–8.
- ЭСТЯ 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974.
- ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1989.
- ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Вост. лит., 1997.
- ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Вост. лит., 2003.

**Литература**

1. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* К истории чеченской лексики (на материале русско-чеченских языковых контактов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1979. – 19 с.
2. *Бенская Э.Я.* Говор станицы Старый Щедрин Грозненской области (Фонетическая система и морфологический строй): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1955. – 20 с.
3. *Апрышко А.С., Гусейнов Г.-Р. А.-К.* К вопросу о тюркских заимствованиях в нижнегерских и прикаспийских русских народных говорах // *Вопр. отраслевой лексики.* – Грозный, 1978. – С. 49–56.
4. *Селимов А.А.* Термины орудий труда и животноводства тюркского происхождения в говоре станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР // *Учен. зап. Дагестанского филиала АН СССР (сер. филол.).* – Махачкала, 1964. – Т. XII. – С. 91–106.
5. *Селимов А.А.* Иноязычные (тюркские) элементы в лексике русских говоров Дагестана (на материале говора станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1966. – 21 с.
6. *Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник.* – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Вып. 3. – С. 3–47.
7. *Оразаев Г.М.-Р.* Ранние русизмы в языке кумыков (XVII в.) // *Тез. конф. аспирантов и молодых ученых Ин-та востоковедения АН СССР.* – М.: Изд-во АН СССР, 1981. – Т. 2. – С. 82–84.

Поступила в редакцию  
05.10.09

---

**Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета.  
E-mail: [garun48@mail.ru](mailto:garun48@mail.ru)